

# РЕБЪ ЛЕЙБЪ-СУРЕСЬ\*).

(ИЗЪ ЕВРЕЙСКИХЪ ЛЕГЕНДЪ).

## I.

И теперь у насъ много хорошихъ цадиковъ: ребъ Янговъ-Ицхокль Макаровскій, и братья ребъ Авремеле и Гецеле ржищевскіе, и ребъ Гойхинце черныбыльскій... Они велики и славны... Но что они передъ ребъ Лейбъ-Суресомъ!.. Такого, какъ онъ, нѣтъ и не будетъ у насъ... Что предъ нимъ гусятинскій, даже садогурскій цадикъ!.. Ребъ Лейбъ-Суресъ!.. Онъ былъ... Развѣ вы можете судить, какъ онъ былъ великъ!.. Вотъ какъ онъ былъ великъ... Слушайте!

## II.

Когда Адамъ согрѣшилъ, и его выгоняли изъ рая, и когда плакалъ Адамъ, и заливался горячими слезами: тогда сжалился надъ нимъ Иегова и далъ ему книгу. И что это за книга!.. На первой страницѣ

---

\*) Предлагаемые вниманію читателей рассказы слышала мы не разъ въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ юго-западнаго края. По словамъ евреевъ, передававшихъ эти рассказы, цадикъ ребъ Лейбъ-Суресъ жилъ въ концѣ прошлаго столѣтія, въ одномъ изъ мѣстечекъ подольской губерніи. Рассказы воспроизводятся съ совершенною точностію, безъ малѣйшаго измѣненія въ духа и содержанія. Что до внѣшней формы, трудно было-бы и передавать и читать ихъ на томъ особомъ малороссійскомъ жаргонѣ, съ ирмѣсью словъ русскихъ и польскихъ, на которомъ намъ приходилось ихъ выслушивать. Въ языкѣ подлинника особенно поражаетъ духъ и складъ рѣчи библейской, который такъ легко усваиваютъ себѣ евреи, проводя много времени въ чтеніи книгъ библейскихъ, и мы не рѣшились отступать отъ нихъ въ передачѣ рассказовъ, давъ имъ лишь внѣшнюю оболочку русской рѣчи. О значеніи рассказовъ въ смыслѣ историко-этнографическаго матеріала считаемъ излишнимъ говорить и можемъ выразить сожалѣніе развѣ о томъ, что остается не тронутымъ этотъ матеріалъ, способный освѣтить внутреннюю жизнь столько вѣковъ живущей среди южно-русскаго населенія массы еврейства, темной, какъ и наше простонародье.—  
*Примѣч. автора.*

ея самъ Иегова своими перстами написалъ имя нашего дивнаго цадика!... Это святѣйшая книга!... Стоить только честному еврею держать эту книгу у себя въ домѣ, и онъ не сгоритъ, хотя бы кругомъ былъ самый сильный пожаръ. Вотъ какая это книга!... А ребъ Лейбъ-Суресъ былъ сильнѣе ея!... Онъ былъ великій избранникъ, дивный и преславный цадикъ!... И вы думаете, что только „наши“ уважали его!... Его всѣ почитали, ибо сами найяснѣйшіе паны совѣтовались съ нимъ!... Вы скажете, что и теперь „наши“ бываютъ у хорошихъ пановъ!... Ну, бываютъ!... И что съ того?... Они бываютъ для того, чтобы ѣсть „трефъ“ и погавое животное „хазеръ“!... И они, чтобы поласть къ панамъ, не посятъ пейсовъ, подстригаютъ себѣ бороды и не просятъ за своихъ единовѣрцевъ!... А ребъ Лейбъ-Суресъ!... Онъ былъ святѣйшій, и всюду бывалъ, не подстригая пейсовъ и бороды, и не снимая ермолки, пантофлей и длиннаго калота, и онъ бывалъ у самыхъ найяснѣйшихъ пановъ, графовъ, и князей, и выше!... У кого выше?... Вы это узнаете!... И онъ бывалъ у нихъ не для своего блага. . онъ бывалъ, чтобы просить найяснѣйшихъ пановъ за нашихъ бѣдныхъ и гонимыхъ единовѣрцевъ!... Ребъ Лейбъ-Суресъ былъ великій защитникъ народа нашего!...

Слушайте!

### III.

Въ одномъ мѣстечкѣ жилъ одинъ бѣдный еврей, и была у него жена, благочестивая и дѣтородная женщина, и дѣти были!... И была у нихъ хата, и всѣ они жили въ ней; и была у нихъ маленькая „краница“, и всѣ они, и жена еврея того, и дѣти ея, торговали въ ней, продавая разные товары „хлопамъ“, и дѣлали небольшія дѣла, и жили. И то былъ ребъ Лейбъ-Суресъ, и жена его была его жена, и дѣти ихъ были дѣти его!...

И вѣкто въ мѣстечкѣ томъ не зналъ, какое сокровище хранится въ немъ, ибо ребъ Лейбъ-Суресъ, живя бѣдно и скромно, совсѣмъ удалялся отъ „дѣль“, и изучалъ великую книгу—талмудъ, и не являлся людямъ.

И прошло не мало времени, и окончилъ ребъ Лейбъ-Суресъ изученіе талмуда, и вышелъ изъ дому, и оказался народу нашему, жив-

шему въ томъ мѣстечкѣ, и не былъ узнавъ онъ, и не былъ признанъ учителемъ... И вышелъ ребъ Лейбъ-Суресъ изъ мѣстечка, и началъ развѣзжать по городамъ и мѣстечкамъ и посѣщать знаменитыхъ рабиновъ, чтобы побесѣдовать съ ними. И бесѣдовалъ съ ними ребъ Лейбъ-Суресъ, но не показывалъ предъ ними ни учености своей, ни добродѣтелей своихъ. И объѣздивъ всѣхъ извѣстныхъ рабиновъ, и поговоривъ съ ними, возвращался ребъ Лейбъ-Суресъ къ себѣ домой, къ женѣ своей и дѣтямъ своимъ. И совершилъ путь свой ребъ Лейбъ-Суресъ такъ, какъ совершаютъ его всѣ единовѣрцы наши, останавливаясь для совершения шабаша въ нопутныхъ корчмахъ. И совершилъ ребъ Лейбъ-Суресъ во время одной изъ такихъ остановокъ свое первое чудо.

Слушайте!

#### IV.

На пересѣченіи двухъ большихъ дорогъ стояла огромная корчма. Въ ней всегда было много нашихъ; извѣстно, всегда ѣздить по своимъ дѣламъ. И подъѣхалъ къ этой корчмѣ ребъ Лейбъ-Суресъ, и вышелъ изъ брички, и вошелъ въ корчму, и остановился въ ней, съѣлъ рыбы и погрузился въ свои мысли... Вы хотите знать, о чемъ онъ думалъ?... Развѣ можно знать это намъ, простымъ евреямъ?... Можетъ быть, что онъ думалъ... Ну, я не знаю... Извѣстно, хорошее думалъ... И былъ вечеръ... И полѣзла Поха, жена корчмаря Юся, на чердакъ, и уронила искру, и вспыхнула крыша, ибо она была изъ соломы, и сдѣлался великій пожаръ... И подняли въ корчмѣ великій гвалтъ!... И корчмаръ Юсь, и Поха, и ихъ дѣти: Хаимъ, Пинхось, Пейсахъ, Сура, Ривва, Юсыле, Малка, Рухля, Борухъ и остальные бѣгаютъ и кричатъ: „гвалтъ!... ратуйте!“... А ребъ сидитъ и молчитъ... Почему онъ сидѣлъ и молчалъ? Развѣ мы знаемъ... Можетъ быть, такъ было нужно... И можетъ быть, и тотъ пожаръ нарочно случился, чтобы прославиться великому цадикъ... И бѣгаютъ, и кричатъ Юсь и Поха, Хаимъ и Пинхось, Пейсахъ и Сура, Ривва и Юсыле, Малка и Рухле, Борухъ и остальные, и не обращаютъ вниманія, что онъ сидитъ... Ребъ Лейбъ-Суресъ былъ по виду совсѣмъ какъ бы простой „жидокъ“... И губа его была простая, и „штройхиле“ былъ такой, какъ у всѣхъ, и глаза были, и борода была, и пейсы были, и все было простое,

„жидовское“. И развѣ знали Іосъ и Поха, кто у нихъ былъ?... И развѣ они могли знать, когда ученые рабины не узнавали великаго цадика? — Этъ! — думали всѣ, простой жидокъ... — И бѣгаютъ они, и кричатъ, и хватаютъ разныя вещи, и выпускаютъ ихъ изъ рукъ... А пожаръ все болѣе и болѣе увеличивается... И крыша уже сторѣла, и потолокъ началъ пылать...

И тутъ ребе всталъ, и чуть слышно сказалъ: „ша!“ И они всѣ смолкли... И это было первое чудо: они смолкли!... Іосъ, Поха, Халимъ, Пинхось, Пейсахъ, Сура, Ривка, Іосыле, Малка, Рухеле, Борухъ и другіе смолкли!... И они увидѣли, и уразумѣли, что у нихъ былъ не простой жидокъ, и возложили уованіе на него... И сказалъ имъ ребе: „дайте мнѣ бутылку“... И они дали ему бутылку. И взявъ ее ребе, и вышелъ изъ корчмы, и шелъ тихо и важно, такъ, какъ-бы шелъ изъ „школы“.

Онъ шелъ и молился. И развѣ мы можемъ знать, какую молитву читалъ онъ!... И пришелъ ребе назадъ, и принесъ бутылку, и сталъ около корчмы... А ужъ и въ корчмѣ горитъ, и „бебехи“ вотъ — вотъ загорятся... И жалко Похѣ „бебеховъ“... И ей еще были нужны они, ибо она могла еще увеличить число народа нашего, и нужны были въ приданое Сурѣ, Ривкѣ, Малкѣ, Рухлѣ и другимъ... Великой дочери Израиля нужны „бебехи“, ибо безъ нихъ не возможно настоящее плодородіе женъ нашихъ... И рыдаетъ Поха... И пришелъ ребъ Лейбъ Суресъ, и услышалъ вопль Похи, и сказалъ: „ша!“ Они успокоились. И сказалъ: „не пугайтесь!“ И они стихли, и смолкли... взявъ тогда ребе бутылку, и поднявъ ее, и брызнувъ изъ нея водою, и стихло пламя, и какъ бы не было пожара...

И то было второе чудо великаго рабина! И узнали его, и прославили, и говорили о ребѣ Лейбъ-Суресѣ Іосъ и Поха всѣмъ остановившимся въ ихъ корчмѣ, и распространилась слава о ребѣ Лейбъ-Суресѣ.

И много другихъ чудесъ совершилъ потомъ нашъ дивный ребе.

Слушайте!

## V.

Невдалекъ отъ того мѣстечка, гдѣ проживалъ нашъ знаменитый падишъ, жилъ въ одномъ селѣ татаринъ. И былъ онъ сильный человекъ, ибо ему служили бѣсы... Известно, намъ служить Богъ, а голямъ — бѣсы... И знали объ этомъ татаринъ все ближніе и дальніе люди, и привозили къ нему своихъ больныхъ, одержимыхъ бѣсами... И бралъ татаринъ больныхъ въ свой домъ, и морилъ ихъ голодомъ, и билъ налками, и сѣкъ плетьюми, и изгонялъ бѣсовъ... И былъ славень татаринъ между гоями, даже между нашими известень былъ... Но возсіяла слава нашего дивнаго падиша, святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса, и стала меркнуть слава татарина. И позавидовалъ онъ нашему падишу, и воздвигъ противъ него разныя гошенія, и взвелъ на него разныя напасти; но не могъ ничего сдѣлать, ибо ребъ Лейбъ-Суресъ былъ неуязвимъ... И поднялъ тогда татаринъ свое зло на еродниковъ святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса... И то было такъ...

Слушайте!

## VI.

Въ одномъ селѣ жилъ нѣкій корчмарь, именемъ Фридель, человекъ бѣдный, простой, неучепый, но благочестивый и честный... И былъ тотъ Фридель просто умомъ, но великъ сердцемъ, ибо не дѣлалъ никакихъ дѣлъ, но читалъ и изучалъ талмудъ... И это было досадно бѣсамъ... И вошли они въ жену корчмаря Фриделя Гоха, и заставили ее мучить честнаго Фриделя.

Велика женская злоба, и нѣтъ равной ей! Ужалить ичела, и исчезаетъ съ земнаго лица. А злая жена досаждаеть мужу до конца дней его!..

И досаждала, и уязвляла, и терзала Гоха мужа своего, Фриделя, ежедневно и ежечасно. И терпѣлъ Фридель мученія свои, и не разводился съ мучительницею своею. Въ книгахъ судебъ народа нашего написано было, чтобы Гоха мучила Фриделя, дабы дать возможность прославиться святѣйшему ребъ Лейбъ-Суресу. И было такъ: разъ Гоха заставила Фриделя отпускать водку голямъ... И началъ Фридель отпускать водку полною мѣрою. И, увидѣвъ это, Гоха напала на Фриделя, и

ухватила его за пейсы, и терзала долго, и выгнала изъ корчмы. И онъ пошелъ, вышелъ и скрылся. И обрадовалась Юха, и улыбулась, ибо не знала, что нападетъ на нее смертная тоска.

Какъ часто бываетъ, что скучаютъ другъ за другомъ мужъ и жена, когда расходятся въ разные стороны!—Вы навѣрное знаете нашего Янкеля? Не ладно жилъ онъ съ своею женою Шейвою, ибо она была великая перяха. И порѣшилъ Янкель развестись съ своею Шейвою, и развелся... И нужно было Янкелю и Шейвѣ пойти къ рабину, чтобы получить утвержденный и правильный разводный листъ. И собрался Янкель съ Шейвою идти къ рабину. А въ ту пору на дворѣ было холодно и сыро... И сказала Шейва Янкелю: „Душка Янкель! ты можешь простудиться, ибо надѣлъ только одинъ легкій капоть. Возьми свой большой зеленый шарфъ и положи его на плечи и грудь“. И пріятны были эти слова Янкелю, и онъ помирился съ Шейвою, и такъ какъ Шейва была въ тѣ дни чистою, то Янкель облобызалъ ее и поцалъ ее...—И радовалась Юха, когда изгнала Фриделя, но скоро прошла радость и наступила печаль, ибо то было передъ шабашемъ... Известно, не добро мужу и женѣ встрѣчать святой шабашъ въ одиночествѣ... И тоскуетъ Юха, и печалится, и напрягаетъ свое зрѣніе, глядя въ доль дороги, и предполагаетъ, что увидитъ Фриделя. И она увидѣла, но не Фриделя, а быстро мчавшихся лошадей. То ѣхалъ татаринъ, и пріѣхалъ, и остановился, и вошелъ въ корчму, и поздравствовался, и спросилъ у Юхи: „а гдѣ твой Фридель?“ „Нѣтъ его, ушелъ“, сказала Юха и заплакала.—„Хочешь вернуть его?“—„Хочу“. — „Дай же зеркало и воскъ“, сказалъ татаринъ. И послушалась Юха, и подала зеркало и воскъ, и стала смотрѣть на татарина и на дѣло рукъ его. И сдѣлалъ татаринъ изъ воску свѣчу, и поставилъ зеркало, и повѣсилъ свѣчу передъ зеркаломъ, и сказалъ: „та свѣча не догоритъ до конца, какъ твой Фридель будетъ около тебя“. И Юха повѣрила, ибо татаринъ былъ „сильный“ человекъ, дивный лѣкарь, и могъ многое сдѣлать... Известно, глупая... Развѣ можно вѣрить голямъ?.. И погибъ-бы Фридель, но его спасъ святѣйшій ребь Лейбъ-Суръсь. Онъ явился на помощь. „Кто былъ у тебя?“ грозно спросилъ ребе у Юхи.—„Ну-у, кто былъ у меня?“ переспрашивала Юха, какъ все наши дѣлаютъ, чтобы выиграть время и обду-

мать отвѣтъ.—„Никого не было“, сказала Гоха, ибо не знала, что передъ нею святѣйшій ребе.—Извѣстно, иногда наши не скажутъ правды даже своему, не только чужому.—„У тебя былъ татаринъ и предлагалъ тебѣ возвратить Фриделя“? спросилъ ребе. И призналась тогда Гоха, и рассказала все, и заплакала. И покачалъ головою ребе, и взялъ зеркало, и оборотилъ его къ стѣнѣ, и взялъ свѣчу, и оборотилъ ее влѣзь свѣтильню, и сказалъ Гохъ: „О бессмысленная! Фридель прилетѣлъ бы къ тебѣ, но мертвый, и верхомъ на кочергѣ“. И, услыша слова тѣ, Гоха испугалась, и испугалась такъ, что и сказать невозможно, и стала кричать и рыдать. И сказалъ ей ребе: „ша“! и вышелъ изъ корчмы, и обвелъ кругъ вокругъ нея, и вошелъ опять въ корчму. И было: поднялся вихрь, набѣжали тучи, почернѣло небо, полился страшный дождь, и была страшная буря, и все трещало и падало. И была тишина, и былъ покой только въ корчмѣ, ибо она была очерчена кругомъ... И вы думаете, что то была буря?.. Ну-ну!.. То летали бѣсы, и хотѣли разорить корчму, и потушить свѣчу, и разбить зеркало... И были напрасны старанія ихъ, ибо свѣча догорѣла и зеркало разбилось. И знаете ли вы, что это было?.. То ребе побѣдилъ татарина... И уничтожилась мерзкая жизнь татарина, ибо догорѣла его свѣча, и разбилось его зеркало... Такъ есть.. Татаринъ думалъ побѣдить нашего великаго цадика, того, о комъ самъ Іегова извѣстилъ Адама,—того, въ комъ воплотился великій духъ нашего великаго народа, дивнаго Израиля!.. Ну-ну, побѣдить его!... развѣ то можно?!.. И было потомъ: настала тишина, просвѣтлѣло небо, возсіяло солнце, и зацѣли птицы, и улыбнулись деревья, и явился Фридель, здоровый и невредимый... И была въ тотъ день великая радость въ корчмѣ... И зачала въ ту ночь Гоха, и породила, и понесла сына, и назвали его при обрѣзаніи Лейбъ... И прославили Фридель и Гоха, я все чада ихъ, и сродники ихъ великаго цадика, ребъ Лейбъ-Суреса, и сдѣлали имя его извѣстнымъ во всей своей мѣстности, и даже далеко за предѣлами ея. И пошли, и поѣхали евреи къ ребъ Лейбъ-Суресу... И никого не отпускалъ онъ безъ помощи и много совершилъ чудесъ..

Слушайте!

## VII.

Нѣкоторый „злотникъ“ ѣхалъ далеко по своимъ торговымъ дѣламъ. И былъ онъ честный еврей. И было это завидно бѣсамъ, и они вздумали соблазнить этого „злотника“. И ѣдетъ злотникъ, и видитъ: на дорогѣ лежитъ крестъ. И былъ онъ золотой, драгоценными камнями украшенный, и сіялъ, и блестялъ онъ перлами, изумрудами, топазами и яхонтами. И разгорѣлись глаза у злотника того, и появилось желаніе въ сердцѣ его, и мысль въ головѣ его—овладѣть драгоценнымъ крестомъ, и не удержался злотникъ, и взялъ... „Мнѣ не будетъ бѣды, но великая прибыль“, думалъ злотникъ тотъ, — „я передѣлаю крестъ въ кольца и сережки, въ браслеты и брошки, и сдѣлаю хорошій гешефтъ“,—и возрадовался въ сердцѣ своемъ, и любовался своею находкою злотникъ тотъ. И не звалъ онъ, что это только бѣсовское лавожденіе, и сталъ думать, куда спрятать находку свою. Въ карманъ положить? Крестъ былъ великъ. За пазуху вложить? Онъ выпадетъ. Въ мѣшокъ схоронить? Въ немъ „богомолье“ лежитъ. И горюетъ еврей, злотникъ тотъ. И смутили его бѣсы, и вложили въ его голову мысль—надѣть крестъ на шею. И отѣхалъ злотникъ въ сторону, и зашелъ за дерево, и за кусты, и сталъ надѣвать... И была у злотника прекрасная еврейская борода, ибо она была широка у подбородка и узка въ исходѣ своемъ, и мѣшала бородѣ надѣванію креста. И озлобился злотникъ на свою прекрасную бороду, и вынулъ ножницы, и обрѣзалъ свою бороду... И стало у злотника того поганое лицо, но онъ не чувствовалъ и не подозрѣвалъ безобразія своего, ибо затмѣвался уже разумъ его. И ѣдетъ злотникъ дальше, и видитъ: идутъ люди и пристально смотрятъ на него; и онъ видѣлъ это, и смотрѣлъ на нихъ, и замѣчалъ, что они переводятъ глаза съ его подбородка на вьющіеся пейсы его. И догадался злотникъ, что пейсы выдадутъ его, и ухватился за голову, и сказалъ себѣ: „на что мнѣ пейсы мои?“ и сбрѣзалъ ихъ. И возрадовался злотникъ, и возвеселился, и безъ боязни смотрѣлъ на встрѣчающихся людей, и думалъ, что уже ничто не выдастъ его. И была дума его напрасною, ибо остановили его люди, и говорили: „что ты за человѣкъ?“ И онъ отвѣчалъ: „ну, что я за человѣкъ?... И человѣкъ“... И они говорили: „у тебя еврейское платье, и нѣтъ

ни пейсовъ, ни бороды“. И онъ молчалъ. И они продолжали говорить: „ты, должно быть, шарлатанъ“. И испугался злотникъ, и сказалъ: „какой я шарлатанъ! я такой-же человекъ, какъ и вы“. И отстали отъ злотника люди тѣ, и пошли впередъ, и скрылись. И когда скрылись они, злотникъ тотъ помыслилъ про себя: „Ой-вей! Они говорили правду, ибо платье мое выдастъ меня... И меня схватятъ, и найдутъ крестъ, и скажутъ, что я воръ“. И увидѣлъ злотникъ шляхтича съ платьемъ въ рукахъ, и оставилъ его, и спросилъ: „не продастъ-ли вельможный панъ платья своего?“ И согласился шляхтичъ, и продалъ. И купилъ злотникъ платье голя, и снялъ свое прекрасное еврейское платье, и одѣлся въ платье голя, и поѣхалъ, и радовался, ибо былъ близокъ къ окончательному затмѣнiю разсудокъ его. И по маломъ времени въѣхалъ злотникъ въ нѣкое чудное мѣстечко, и встрѣтилъ людей, идущихъ изъ костела. И смотрѣли люди на злотника, и озирали его, и сказали ему: „кто ты? не шарлатанъ-ли ты, ибо у тебя нѣтъ ни бороды, ни пейсовъ, ни длиннаго капота, ни пантофлей, ни мѣховой шапки, и есть еврейское лицо... Кто ты? не шарлатанъ ли ты? не воръ ли и убійца?“... И сказалъ имъ злотникъ: „Нѣтъ, я не шарлатанъ“... И спросили у него: „чѣмъ докажешь ты слова свои?“ И отвѣчалъ имъ злотникъ: „чѣмъ докажу я?“... И они говорили: „вотъ костель, и двери его открыты, и идетъ въ немъ святое служенiе“... И сказалъ злотникъ: „ну-у, что изъ этого?“—И они говорили: „иди съ нами, и омочи персты свои въ святую воду“... И помутился разсудокъ у злотника, и слѣзъ онъ на землю, и шелъ за людьми... Извѣстно, пропалада еврейская душа... И вы думаете: пропалада?—Ну-ну!.. Развѣ можетъ пропасть наша душа?. Не можетъ, ибо число душъ нашихъ опредѣлено, и хранить насъ звѣзда народа нашего... Не можетъ погибнуть ни одна изъ душъ народа нашего! Нѣтъ. И вы скажете мнѣ: „погибаютъ, ибо становятся гоями по вѣрѣ своей“. И вновь говорю вамъ: не погибаютъ, ибо внутри душъ своихъ они наши, и они сохраняютъ любовь къ вамъ, и при концѣ жизни своей раскаиваются въ заблужденiяхъ своихъ, и вновь становятся нашими, и покрываются грѣхи ихъ страданiями ихъ и тайными заслугами на пользу народа нашего... И не погибла душа злотника того. И былъ ему голось: „Шая!“ И обернулся злотникъ, и увидѣлъ: нѣкій дивный еврей

стоять, и смотрѣль, и киваль головою. И то бѣль святѣйшій ребь Лейбъ-Суресъ. И подошелъ онъ къ Шаѣ, и посмотрѣль на него. И вспомнилъ Шая шкозу, тору, семью свою и мать свою, честную Фрейду, и прояснилъ разумъ его, и взмолился Шалъ къ святѣйшему цадикъ. И разрушилъ ребѣ чары, и тотъ крестъ упалъ на землю, и былъ онъ не золотой съ каменьями, а мѣдный, изломанный. И спасъ ребѣ злотника Шаю, и была великая радость. И поерамилась прага наши, и разсѣялись, какъ дымъ, и та дорога была пуста, и было всего: въ воздухѣ, съ шумомъ и воемъ, въ вечернемъ полумракѣ, пропадали бѣсы. И разнеслась слава о великомъ цадикѣ между всема злотниками и иными работающими руками своими. И потомъ было новое чудо, великое и славное.

Слушайте!

### VIII.

Въ нашемъ чудесномъ городѣ Бердичевѣ была большая ярмарка. И съѣхались въ него наши купцы изъ всеѣхъ „мѣсть“ и „мѣстечекъ“, и заняли лавки, и стали „вести ганделъ“. И занялъ одну „краницу“ нѣкій дивный купецъ, и онъ сидѣль въ ней, не имѣя никакого товару, и по маломъ времени выходилъ изъ нея, и становился среди дороги и какъ будто говорилъ съ кѣмъ-то невидимымъ. И это было дивно всемъ нашимъ купцамъ, великимъ и малымъ, славнымъ и простымъ, и даже факторамъ и носильщикамъ. И стали все они говорить про дивнаго купца: или то „мишигнеръ“, или то нѣчто дивное. И у всеѣхъ въ тотъ годъ были хорошіе гешефты и большіе барыши, и у одного *его* не было никакихъ дѣль. И появилось возбужденіе у всеѣхъ, и все стали спрашивать другъ у друга: „что оно такое?“ И, когда не могли рѣшить, пошли къ рабину и сказали ему. И былъ въ то время въ Бердичевѣ знаменитый рабинъ, и онъ зналъ многое, и долго обдумывалъ каждое дѣло. И началъ рабинъ думать, что *оно* такое, и искать отвѣта въ талмудѣ, и ничего не придумалъ, и ничего не нашель. И всталъ рабинъ съ мѣста своего, и позвалъ прислужниковъ своихъ, и пошелъ къ „краницамъ“. И пришелъ рабинъ къ дивному купцу, и сказалъ ему: „шелоймъ-алеихемъ!“ И услышалъ въ отвѣтъ: „алеихемъ-шелоймъ!“ И спрашиваетъ рабинъ у дивнаго купца: „вы торгуете!“

И отвѣчаетъ ему дивный купецъ: „торгую“. „И я не вижу вашего товара“, говоритъ рабинъ. И всталъ тогда ребъ Лейбъ-Суресъ, ибо это былъ онъ въ образѣ дивнаго купца, и сказалъ: „вотъ мой товаръ“. И видитъ рабинъ: мимо ребе бѣжить какой-то еврейчикъ... И сказалъ ребъ Лейбъ-Суресъ рабину: „сглядите!“ И рабинъ глядѣлъ. И остановилъ ребъ бѣжавшаго еврейчина, и спрашивалъ у него: „куда ты бѣжишь?“ „Бѣгу дѣлать гандель“, отвѣтствовалъ еврейчикъ. И подошелъ тогда ребе къ еврейчику, и взялъ помы его капота, и развернулъ ихъ, и сказалъ рабину: „смотрите!“ И посмотрѣлъ рабинъ, и увидѣлъ подъ капотомъ саванъ, и понялъ, кто предъ нимъ, и испугался, и хотѣлъ было крикнуть, но, услышавъ грозное: „ша!“, убоялся п смолкъ. И сказалъ тогда ребе бѣжавшему еврейчику: „ты мертвецъ!.. Иди на покой!“... И былъ принятъ мертвецъ на мѣсто упокоенія.

И знаете вы, что это было? Многие изъ народа нашего предаются излишней суетѣ, и небрегутъ о духовной жизни, и забываютъ про добрыя дѣла, исполненіе святѣйшихъ повелѣній божественной книги—талмуда, и не исполняютъ шабашей, и небрегутъ о размноженіи народа нашего, ибо проводятъ праздники виѣ дѣмовъ своихъ, въ разлукѣ съ жевами своими, и получаютъ оныя за то великую казнь: не находятъ мѣста упокоенія по смерти своей.

И скорбѣлъ о нихъ ребъ Лейбъ-Суресъ, и просилъ за нихъ Бога вышняго, Бога Израилева, и умолилъ его. И дана была святѣйшему цаднику великая сила—давать мертвымъ покой. И успокоилъ онъ въ то время всѣхъ несчастныхъ сыновъ народа нашего.

И было: разнесся по всему прекрасному городу Бердичеву слухъ о ребѣ Лейбѣ-Суресѣ, и всѣ, богатые и бѣдные, знатные и простые, стекались къ нему, и приносили ему дары, И не бралъ ничего святѣйшій ребъ Лейбъ-Суресъ. И то было дивно и непонятно. И былъ слухъ такой въ народѣ нашемъ.

Слушайте!

## IX.

Ребъ Лейбъ-Суресъ владѣлъ всѣми ангелами, и каждый изъ нихъ, по роду своему, доставлялъ все преславному цаднику. И вамъ это не дивно: вы знаете, что и теперь есть такіе цадники, кои владѣютъ ан-

тѣлами. И это такъ: владѣють. И что изъ того выходитъ, что владѣють? И ребь Мотыле владѣль ангелами, и желалъ воспользоваться услугою ангела. И погрузился ребь Мотыле въ мысли, и сталъ думать надъ книгою книгъ, святѣйшиямъ талмудомъ, и думалъ долго, и захотѣлъ вить. И назвалъ ребь Мотыле ангела, и ошибся въ наименованіи его. И явился тотъ ангель, который завѣдываетъ огнемъ, и принесъ его къ ребь Мотыле въ великомъ количествѣ. И былъ въ мѣстечкѣ большой пожаръ, и страиное несчастье, ибо погорѣли дома и „краницы“, постели и „бебехи“, вещи и деньги, и обѣдѣло цѣлое „мѣсто“, и не увеличилось въ тотъ годъ количество народа нашего, ибо въ томъ „мѣстѣ“ было потомъ необильное число дѣторожденій и зачатій. И боятся теперь цадки, и трепещуть, и не зовутъ для услугъ ангеловъ, и обходятся услугами „габоимъ“, прислужниковъ своихъ, и ириномешіями единоврцовъ нашихъ, приходящихъ къ цадикамъ. И эти цадки, и ребь Лейбъ-Суресъ!... Ну-ну!.. Они—золоты, онъ—червонецъ!... Теперешнимъ цадикамъ несутъ деньги и хлѣбъ, масло и яйца, куръ и рыбу, и всякую живность. Ребь Лейбъ-Суресъ самъ раздавалъ деньги бѣднымъ единоврцамъ нашимъ... И много было денегъ у ребь Лейбъ-Суреса: золоты и гроши, червонцы, рубли и копейки, дукаты и пфениги, лудоры и сентимы... И они были носимы ангелами, висѣмъ икъмъ! И великая слава была о ребь Лейбъ-Суресъ! И распространилась слава изъ Бердичева по всемъ городамъ и мѣстечкамъ, селамъ и деревнямъ, по нашей землѣ и чужой... И все шли къ дивному цадикъ, святѣйшему ребь Лейбъ-Суресу, и шли поодинокѣ, и шли каталомъ. И ребе всемъ помогать и творилъ великіи чудеса.

Слушайте!

## Х.

И была въ то время великая смута въ нашемъ краѣ: наны воевали сами съ собою. И было безмачаліе великое и непорядки страшные. И пришли московскія войска и стали въ нашомъ краѣ, и заняли города и мѣстечки, села и деревни. И одно войско стало въ мѣстечкѣ, а оно было сплошь еврейское. И тягостно было нашимъ держать москалей въ домахъ своихъ. И заплакалъ началъ мѣстечка того къ ребь Лейбъ-Суресу, и умолялъ его снасти нашихъ отъ московскаго постола. И вицалъ

ребѣ плачу и стону, воялю и слезамъ, и сказалъ: „успокойтесь!“ И успокоились ходатаи, и возрадовались, и возвеселились. И была великая радость въ мѣстечкѣ, и всѣ ожидали скорого и чуднаго избавленія. И оно не замедлило. Похваля нашъ пречудный ребѣ къ московскому генералу и просилъ его вывести войско свое изъ домовъ единовѣрцевъ нашихъ и поставить въ дома гоевъ. И не видалъ генералъ деликатной просьбѣ нашего преславнаго заступника, и оборотился къ нему спиною, и сказалъ своимъ прислужникамъ: „выгоните этого нархатаго жида!“ Ну-ну!... Такъ поступить съ ребѣ Лейбъ-Суресомъ!... И оборотился тогда нашъ дивный ребѣ спиною къ московскому генералу, и поднялъ голову вверхъ, и сказалъ: „исъ-съ!“ и вышелъ. И когда онъ вышелъ, плюнулъ на землю и растеръ ногою плюювеніе свое. И явилось солнце, и послало лучъ свой на плюювеніе ребѣ, и высушило его. И поднялся вихрь, и разметалъ прахъ изъ плюювенія ребѣ по всему мѣстечку, и уцалъ прахъ на москалей, на всѣхъ, отъ старшаго до младшаго. И наслалъ ребѣ съ прахомъ тѣмъ болѣзнь на москалей, и напала на нихъ короста, и было большое несчастье у москалей! И по маломъ времени выжили москали изъ домовъ нашихъ и стали жить между гоями. И жители того мѣстечка возблагодарили святѣйшаго ребѣ Лейбъ-Суреса за избавленіе отъ москалей. И не принялъ дивный ребѣ вещественной благодарности, и повелѣлъ роздать ее бѣднымъ единовѣрцамъ нашимъ и сказалъ: „восхваляйте Бога выпняго, Бога Израилева, ибо онъ, а не я, творить чудеса“. Ну-ну, какія слова!... Ребѣ былъ великій и скромный Божій угодникъ!.. И былъ ему дивный почетъ. Ребѣ сталъ ходатаемъ за большую часть народа нашего. И то было такъ.

Слушайте!

## ХІ.

Всюду покушаются на бѣдныхъ единовѣрцевъ нашихъ, и всюду ихъ пресѣдуютъ, и вездѣ ихъ гонять. И то должно быть такъ: не уживается тьма со свѣтомъ, и зло съ добромъ, и глупость съ разумомъ.

И жилъ въ то время въ Австріи Кесарь. И возненавидѣлъ онъ евреевъ, и поднялъ онъ гоненіе на бѣдныхъ единовѣрцевъ нашихъ. И издалъ кесарь повелѣніе быть веѣмъ евреямъ съ фамиліями. И пошли

съ тѣхъ поръ Штерны и Штейны, Берги и Кранцы, Ванштейны и Бронштейны, Розенберги и Мавдельберги, и инныя были фамиліи и прозвища. И издавъ это повелѣніе кесарь для страннаго дѣла: и то было для перениси. И она была для ужаснаго дѣла: издавъ кесарю повелѣніе брать нашихъ въ войско! И былъ въ народѣ нашемъ громкій плачь, великое стenanіe, ужасная скорбь и страшный ужасъ. И плакали, и рыдали, и вопіали старыя и малыя, юноши и дѣвы, отроки и отроковицы, весь мужескій полъ и женскій. И наложили паши постъ на всѣхъ, и моленія, и милостыни. И собирались въ школы, и молились, и плакались къ Богу Израилеву о избавленіи и помилованіи. И встали князья народа нашего па защиту правъ нашихъ, и совѣтовались, и разослали письма во всѣ страны и концы, гдѣ проживаетъ народъ нашъ, и пригласили всѣхъ для обсужденія положенія нашего. И встали всѣ кагалы, и собирались, и обсуждали, и говорили, и выработывали мѣрныя и планы для отвращенія бѣды отъ народа нашего. И поданы были многія мысли, и многіе планы, и разнообразныя средства. Но никто не могъ переубѣдить того кесаря, чтобы отмѣнилъ ужасное повелѣніе свое. И вновь былъ плачь и вопль, и рыданіе, и скорбь. И думали всѣ, что погибнуть.., Они не знали, что у народа нашего былъ скромный, но дивный защитникъ, святѣйшій ребеъ Лейбъ-Суресъ, и не подозрѣвали, что близокъ день отмщенія за скорби народа нашего.

Слушайте!

## ХІІ.

И было: пришла пятница, предверіе святаго шабана. И стали готовиться всѣ къ встрѣчѣ, принятію великаго дня. И затопили хозяйки печи, и стали варить и печь шабашныя кушанья: и супъ, и рыбу, и мясо, и компотъ и гугель. И прекратили всѣ мужнины дѣла свои и пошли въ бани. И очистившіяся жены пошли въ миквы, чтобы быть совсѣмъ чистыми и угодными мужьямъ своимъ. И одѣлись дѣти, мальчики и дѣвочки, въ нарядныя платья и выбѣжали на улицу. И стали доставать жены и дѣвы драгоцѣнныя уборы,—перлы и брильянты, шелкъ и бархатъ, золото и серебро изъ хранилицъ и готовить къ возложенію на себя. И всѣ дающіе деньги на проценты сосчитали барыши свои и прибыли свои и восхваляли Бога вышняго, Бога Из-

райлева, дающаго намъ гоувъ — должниковъ для увеличенія богатствъ нашихъ. И словялось уже солнце къ западу, и золотило большую половину неба, и большую часть мѣстечка, и дома наши, и крыши, и окна. И падали лучи на столы, и на постлаины на нихъ скатерти, и на поставленные на нихъ подсвѣчники съ шабашевыми свѣчами. И радовались уже дѣти, и кричали; „близокъ шабашъ, близокъ дивный день, несущій намъ и рыбу, и мясо, и щимесь, и гугель!“ И торжествовали все дѣвы, осматривая наряды свои и украшенія свои. И ликовали все молодые повобрачные, и сладко смотрѣли на пышно взбитые „бебехи“, и съ нетерпѣннѣмъ ожидали шабашевой вечера и сладкаго сна. И все веселились и радовались, и все ликовали и говорили: „шабашъ, шабашъ! прекрасная и благословенная суббота!“ И веселился, и торжествовалъ, и ликовалъ нашъ дивный заступникъ, святѣйшій реубъ Лейбъ-Суресъ, ибо онъ готовился съ великому дѣлу, защитѣ народа нашего. И то было такъ.

Слушайте! Слушайте!

### XIII.

Призвалъ ребе въ домъ свой балагулу Волька и сказалъ: „иди и запрягай коней, ибо мы поѣдемъ“. И отвѣтствовалъ Волько: „ребе, шабашъ близко!“ „Къ шабашу будемъ назадъ“, сказалъ ребе и сталъ одѣваться въ парадное платье. И облекся ребе въ длинный, блестящій своимъ подобный самой блестящей ваксѣ, шелковый капотъ, и опоясался поясомъ, и одѣлъ свои тонкія ноги въ длинные чулки, и возложилъ на главу свою новую бархатную ермолку, и поверхъ ея большую мѣховую шапку, и на стопы свои новыя нантофли, и подвинулъ свои длинныя пейсы, и пригладилъ свою бороду, и сѣлъ и ожидалъ прибытія Волька. И черезъ нѣсколько времени загромыкало и затрещало, застучало и застучало. И то вѣхалъ Волько на своихъ четырехъ коняхъ и въ своей величественной будѣ. И были тѣ кони: одинъ буланый, а другой нѣгій, и третій рыжій, а четвертый свѣтый; и первому и второму было по десяти съ половиною годовъ, а третьему и четвертому по пятнадцати годовъ; и были тѣ кони — спокойные кони, ибо никогда не бѣгали быстро, но шествовали медленно и важно. И была та буда — знаменитая буда, ибо

она служила Вольку въ теченіе долгихъ лѣтъ, и въ теченіе столькихъ-же лѣтъ служила отцу Волька, и столькихъ-же лѣтъ дѣду его. И былъ на будѣ полотняный навѣсъ отъ заднихъ колесъ до переднихъ, и было въ будѣ довольно количество сѣна и соломы, и разной мягкой трухи. И подѣхалъ Волько къ дому ребѣ Лейбъ-Суреса и остановился. И вышелъ ребѣ, и сѣлъ въ буду и сказалъ: „повъжай!“ И взмахнулъ Волько кнутомъ, и крикнулъ: „вью, вью! вью!“ и заколыхалась буда, и затрепала, и загремѣла, и покатила. И по маломъ времени выѣхали ребѣ и Волько за самое мѣстечко, въ поле. И только выѣхали они, услышалъ Волько тихій голосъ ребѣ: „Волько! оборотись ко мнѣ лицомъ, и сиди смирно, и не смотри ни вправо, ни влѣво.“ И оборотился Волько, и сидѣлъ смирно, и не смотрѣлъ ни вправо, ни влѣво. И по маломъ времени снова услышалъ Волько гласъ ребѣ: „оборотись къ конямъ и останови ихъ“. И оборотился Волько, и сказалъ конямъ, чтобы они стали, и они остановились. И сошелъ Волько съ сѣдалища своего и помогъ ребѣ выйти изъ буды. И когда помогъ, тогда глянулъ вокругъ себя и испугался великимъ страхомъ, и былъ охваченъ большимъ трепетомъ, ибо увидѣлъ себя Волько въ большомъ и чудномъ городѣ, среди огромной площади, и вокругъ себя неизвѣстно какихъ людей, говорящихъ страннымъ языкомъ. И поблѣднѣлъ Волько, и затрясся, и задрожалъ. И сказалъ ему ребѣ: „не бойся и каси своихъ коней“. И успокоился Волько, и сталъ смотрѣть вокругъ себя. И видѣлъ опъ, что ребѣ пошелъ, и шелъ, и пришелъ къ огромному дому, и вошелъ въ него, и былъ тамъ, и по маломъ времени вышелъ изъ него, и подошелъ къ Вольку, и сказалъ: „помоги мнѣ сѣсть“. И когда сѣлъ ребѣ, тогда сѣлъ Волько, и крикнулъ: „вью! вью! вью!“ И поѣхали. И только поѣхали, какъ услышалъ Волько приказъ: „оборотись ко мнѣ“. И не успѣлъ Волько оборотиться, какъ увидѣлъ, что лошади стали, и почувствовалъ, что они пріѣхали въ мѣстечко свое. И то было такъ: они пріѣхали въ мѣстечко прямо къ дому дивнаго ребѣ Лейбъ-Суреса. И было еще: до шабаша успѣлъ Волько распречь своихъ коней, и поставить свою буду, и вымыть концы своихъ нальцевъ, и одѣться въ праздничную одежду, и заблаговременно придти въ школу, и занять свое послѣдственное мѣсто, и раскрыть книгу, и начать молитву. Но не могъ Волько молиться, ибо пораженъ былъ чудною по-

ѣздкою, и дивнымъ видѣніемъ страннаго города, и необычнымъ сіяніемъ лица святѣйшаго ребе Лейбъ-Суреса. И прошла недѣля, и наступила пятница. И вновь поѣхалъ ребе въ неизвѣстный городъ и былъ въ больномъ доми. И въ третью пятницу ѣздили такъ, какъ въ первую и во вторую. И привыкъ уже Волько къ неизвѣстному городу, и освоился съ чудною поѣздкою своею, и не чувствовалъ уже страха, и осмѣлился, и сталъ любопытенъ. Известно, еврейская голова! И купилъ Волько въ чудномъ городѣ трубочку и чубучекъ, и привезъ домой, и показалъ свое пріобрѣтеніе. И было въ мѣстечкѣ волненіе и ликваніе, ибо по трубочкѣ и чубучку узнали и уразумѣли, что ребе былъ въ австрійскомъ городѣ Виднѣ (Вѣнѣ). И разнеслась вѣсть объ этомъ по всемъ мѣстамъ и мѣстечкамъ, корчамъ и шинкамъ, между всемъ народомъ нашимъ. И была великая радость между всеми единовѣрцами нашими, ибо рабины говорили и обывляле: „ребе защититъ народъ нашъ!“ И все вѣрили словамъ рабиновъ, ибо знали, что ребе Лейбъ-Суресъ великій и дивный защитникъ народа нашего, и все желали знать, что дѣлаетъ ребе въ Виднѣ и къ кому онъ ходитъ. И возрастало любопытство, и увеличивалась любознательность у всехъ, ибо и въ четвертую, и въ пятую пятницу совершалъ ребе чудную поѣздку свою. И, когда пришла шестая пятница и услышалъ Волько повелѣніе запречь коней въ буду, то загорѣлось въ Волькѣ любопытство, и порѣшилъ онъ спросить у дивнаго ребе, гдѣ онъ бываетъ и что дѣлаетъ. И заикнулся Волько предъ ребе о желаніи своемъ, и услышалъ въ отвѣтъ: „еще немного времени потерпите, и все узнаете“. И терпѣлъ Волько, и терпѣли все, и ожидали. И пришла седьмая пятница, и приготовлялся Волько къ поѣздкѣ, и приготовился заранѣе; и то было напрасно, ибо былъ позванъ Волько къ ребе задолго до наступленія шабаша. И сѣлъ ребе съ Волькомъ, и поѣхали. И настало великое волненіе, и все ожидали чего-то дивнаго. И было: возвратился ребе быстрѣе, чѣмъ въ прежнія поѣздки, и вошелъ въ домъ свой и сказалъ: „сегодня буду я не здѣсь шабашовать“. И сказавъ эти слова, ребе отошелъ въ вѣчность къ праотцамъ Аврааму, Исааку и отцу нашему Іакову. И постигла всехъ евреевъ скорбь великая, и поднялся плачь, и вопль, и стеганіе. И стеклось великое множество народа къ дому дивнаго ребе, старые и малые, богатые и бѣдные, и провожали ребе до мѣста

вѣчнаго упокоенія, и проводили, и погребли. И вознеслась душа нашего дивнаго цадика, святѣйшаго ребь Лейбъ-Суреса, въ горнія селенія, и ликовала тамъ, ибо подосѣла къ самому шабану. И не устѣли все возвратиться къ домамъ своимъ, какъ узнали все, что дѣлалъ ребь въ Видиѣ. И говорили объ этомъ въ теченіе всего наступившаго шабаша, и говорили въ слѣдующіе дни, и недѣли, и мѣсяцы, и годы, и десятилѣтія, и будутъ говорить до тѣхъ поръ, пока сіяетъ солнце и свѣтитъ луна. И говорили такъ.

Слушайте! Слушайте!

#### XIV.

Когда дошла вѣсть до ребь Лейбъ-Суреса о повелѣніи брать нашихъ въ войско, тогда онъ скорбѣлъ, печаловался и мучился, и молился о избавленіи единовѣрцевъ нашихъ. И порѣшили наши дивный заступникъ предетать предъ кесаря и молить его о помилованіи единовѣрцевъ нашихъ. И предеталъ ребь предъ кесаря, и деликатно просилъ его не брать нашихъ въ войско. И былъ пораженъ кесарь умомъ святѣйшаго цадика, и сказалъ ему: „хорошо, я подумаю“. Но возетали враги наши, и окружили кесаря, и вложили въ сердце его не отмѣнять повелѣнія своего. И измѣнилъ кесарь слову своему, и не думалъ. И явился къ нему ребь Лейбъ-Суресъ, и пристыдилъ его, и говорилъ ему о бѣдности царства его и о богатствѣ единовѣрцевъ нашихъ. И вновь сказалъ кесарь: „я подумаю“. Но опять восторжествовали ненавидящіе насъ. И явился тогда ребь къ кесарю съ грознымъ взглядомъ, в суровымъ обличіемъ, и великими угрозами. И было: кесарь испугался, и взмолился. И смягчился ребь, и ограничился лишь однимъ угрозами. И снова восторжествовали враги наши. И узналъ объ этомъ ребь. Какъ онъ узналъ?... Развѣ мы, простые люди, можемъ знать это? И ребь началъ казнить кесаря, и тѣ казни были дивныя и необычныя. И начнетъ ребь чесать волосы, и у кесаря голова болитъ; и начнетъ ребь стричь свои ногти, и у кесаря ломить руки; и кричитъ кесарь: „гвалтъ! ругайте!“ И явился къ кесарю, какъ жрецъ къ фараону, одинъ изъ ксендзовъ его, и исеѣлалъ кесаря, и озлобилъ сердце его противъ единовѣрцевъ нашихъ. И наложилъ кесарь тягости на единовѣрцевъ нашихъ, и сталъ притѣвнять ихъ, и угнетать ихъ. И предеталъ

тогда ребе предъ кесаря съ гнѣвнымъ взоромъ и карающею рѣчью, и нагнать на кесаря страхъ и великій ужасъ, и на близкихъ къ нему. И ужаснулся кесарь, и просилъ ребе о помилованіи, и общалъ съдѣлать все по желанію его. И отошелъ отъ кесаря ребе и былъ въ надеждѣ, что кончатся страданія народа нашего. Но былъ тотъ кесарь мягокъ сердцемъ, и зловъ восторжествовали враги наши. И умыслилъ ксендзъ злой умыселъ на ребе, и передалъ его кесарю, и убѣдилъ его принять совѣтъ свой. И тотъ совѣтъ былъ слѣдующій: кесарь долженъ былъ выстрѣлить въ тѣнь головы ребѣ Лейбъ-Суреса, лишь только онъ предстанеть предъ кесаря. И былъ тотъ совѣтъ погибеленъ... Вы думаете: ребѣ Лейбъ-Суресу? Ну-ну!... Погибеленъ совѣтнику кесаря. И было: предсталъ ребѣ Лейбъ-Суресъ предъ кесаря. И подялъ кесарь ружье, и выстрѣлилъ въ тѣнь головы. И вы думаете: то была голова святѣйшаго падиака?... Ну-ну!... То была голова ксендза, совѣтника кесаря!... И воспылалъ тогда ребѣ Лейбъ-Суресъ гнѣвомъ и яростію, и казнилъ враговъ нашихъ казнями жестокими, муками и смертію. И былъ удостоенъ великой честью ребе нашъ за подвигъ свой, ибо онъ достигъ на небо къ самому шабашу.

## XV.

Великій и дивный падиакъ былъ ребе Лейбъ-Суресъ! И нѣтъ равнаго ему!... Предъ нимъ даже гусятинскій и садогурекій падиакъ какъ звѣзды предъ солнцемъ, какъ ручей предъ моремъ, какъ тростинка предъ дубомъ, какъ березка предъ кедромъ ливанскимъ, какъ гои нередъ избраннымъ изъ народа избраннаго!

И я говорю вамъ о немъ, и вы слушайте, и прославляйте Бога Израилева, Бога вышняго, и его дивнаго, пресвѣтлаго слугу, нашего защитника и покровителя, святѣйшаго ребѣ Лейбъ-Суреса!

**Александръ Гарнавскій.**